

Полное издание Новочеркасского клада

(Засецкая И. П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: ГЭ, 2011. 328 с.)

Наконец, почти через полтора столетия после открытия вышло полное научное издание Новочеркасского клада — кургана Хохлач, «главного памятника» сарматской эпохи (по словам Толстого и Кондакова). Издание осуществлено Эрмитажем, монография написана Ириной Петровной Засецкой, главным хранителем сарматских древностей Эрмитажа. Не отрецензировать это издание в «Российском археологическом ежегоднике» невозможно.

Засецкая — один из нескольких крупнейших специалистов по сарматским древностям и сарматскому искусству в России и мире. Она собрала и обобщила все, что сделано за полтора столетия по изучению этого выдающегося памятника, и добавила к этому свой многолетний труд по кропотливому изучению вещей. Работа в лучшем смысле слова вещеведческая, и вещи анализируются в ней на фоне истории степной полосы эпохи сарматов и гуннов, каковую эпоху автор книги изучала как археолог и искусствовед всю свою жизнь.

Вещеведческий характер исследования бросается в глаза: вторая из двух глав книги («Характеристика находок из кургана Хохлач») занимает 224 страницы из 328, еще 18 страниц отведено под каталог. Первая глава (об истории исследований) занимает 11 страниц, заключение — о месте Хохлача в культуре сарматов — 12 страниц. Остальное — приложения (отчеты раскопщиков и очевидцев), а также литература и указатели, небольшое английское summary. Внутри второй главы вещи рассматриваются в условном порядке экспозиционной значимости и по материалам: сначала золотые изделия полихромного звериного стиля (начиная с диадемы, особо выделенной), затем серебряная и бронзовая посуда, далее серебряные обкладки трона и, наконец, прочие вещи. Среди указателей есть географический указатель упоминаемых памятников, но, к сожалению, нет их карты.

Прошло время, когда указание на вещеведческий характер работы рассматривалось как укор. К тому же по каждой отдельной вещи представлены не только описание и технологический анализ, но и приведены все доступные автору аналогии, анализируется стиль, типология, датировка, место в развитии и связанные с этим исторические соображения.

Можно не рассматривать продолжение давно ведущихся в археологии дискуссий по таким проблемам, как датировка комплекса, определение его принадлежности женщине и ее статуса — царицы-жрицы. В этих вопросах нет изменений по сравнению с традиционными трактовками, отмечается лишь дальнейшее уточнение характеристик. Дата сузилась с шести веков (III в. до н. э. у Н. Д. Борисяка — III–IV вв. н. э. у И. И. Толстого и Н. П. Кондакова) до примерно века (вторая половина I века н. э. у К. М. Скалон, последняя четверть I века — первая половина II у Б. А. Раева). Существенно дополнена у Засецкой трактовка развития искусства. «Сарматский полихромный звериный стиль»,

как его именуется Засецкая, по ее выводам, не имеет прямых корней в Причерноморье, в искусстве предшествующей сарматской местной среды и принесен с Востока, из Азии. Этот вывод придает дополнительную аргументацию увязке этого стиля с прибытием аланов (что отстаивает Б. А. Раев), хотя сама Засецкая не берется уверенно решать, аланы это или нет.

Интересны разработки Засецкой в трактовке золотых нашивных бляшек. Своеобразные якорьки она рассматривает как стилизованные головы быка и барана — в зависимости от того, загнуты ли боковые парные отростки вверх или вниз. Это весьма убедительно показано путем обнаружения промежуточных стадий стилизации на разных скифо-сарматских украшениях. Отличный образец исследования эволюции мотива.

Одно числовое наблюдение позволило Засецкой сблизить мотивы узора на одежде из двух памятников — Хохлача и раскопанной недавно Соколовой могилы: в обоих число бляшек в виде четырехлепестковых розеток со вставками равно 28! Узор из Соколовой могилы реконструирован, аналогично может быть реконструирован и узор из Хохлача.

Подобным образом в монографии проанализированы многие вещи из Хохлача. Это придает книге справочный характер. К ней будут обращаться многие археологи, имеющие дело с сарматскими памятниками. Монография написана хорошим языком.

Засецкая выступает в книге как очень осторожный автор. Во многих случаях она ограничивается приведением мнений специалистов, воздерживаясь от собственных оценок или давая их очень предположительно. Принцип своей методики она выразила в эпитафии из Эрика-Эммануэля Шмитта ко всей книге: «Самые интересные вопросы остаются вопросами. В них содержится тайна. К каждому ответу следует всегда добавлять “возможно”. Только мало-значительные вопросы имеют окончательные ответы».

Однако рецензенту позволительно проявить меньше осторожности и поставить некоторые дискуссионные вопросы.

Прежде всего, мне кажется, что, характеризуя систематически как «тайники» (с. 13) четыре скопления находок на чертежах-набросках плана, Засецкая напрасно сравнивает их с тайниками из известных могил. Там, где есть реальные тайники, они сделаны как ниши в стенках могилы. А здесь вещи лежат на выкиде и в глине выкида. Под рушенной землей насыпи невозможно было устроить специальные тайники. Вещи просто были положены на глину выкида или вкопаны в нее и в нескольких случаях накрыты большими сосудами сверху дном, чтобы их не запачкало и не раздавило рушенной землей. Это показывает, что никаких ниш (тайников) не было. Все было так же, как в Садовом кургане — на выкиде вокруг могилы разложили ценные вещи, некоторые прикрыли сосудами сверху дном, а поверх насыпали холм. Обряд схож.

Реконструируя могильные сооружения в кургане и сравнивая его с аналогичными курганами сарматской знати, можно поставить вопрос о том, что ни подрядчик Р. И. Авилов, ни доследовавший позже могилу член Археологической комиссии В. Г. Тизенгаузен не обследовали выкид полностью. На их набросках видны южный и восточный отвалы выкида, но нет западного и северного, а, судя по расположению, северный явно уходил под стенку раскопа. Это значит, что многие вещи так и не были открыты. В частности в кургане должны были

иметься амфоры — они есть в других курганах. А амфоры могли бы уточнить датировку гораздо лучше импортных металлических вещей, так как не живут долго до погребения. Думаю, что раскопки у стен резервуара старого водопровода еще возможны, если резервуар сохранился.

Разбираясь с образами звериного стиля, Засецкая много внимания уделила «пантере» и «носатому волку» (последнее воспринято из работы Е. Ф. Корольковой). Относительно «пантеры» Засецкая оказала мне честь, признав резонность моих штудий по деградации образа лося-тарандра (постепенное лишение рогов и т. п.). После указания на это она сформулировала вывод как сделанный «на наш взгляд» (с. 144). А это животное, став фантастическим, оставалось терзаемым, но приобретало черты хищника. Вот почему у этого «волка» оказался необыкновенно большой нос — это наследие лося. А сюжет все тот же, и близость его на изображениях золотого флакона с округлым туловом из Хохлача и фаларов из Садового и Жутова Засецкая подметила совершенно правильно. На флаконе из Хохлача представлена последняя стадия деградации образа. «На наш взгляд».

Есть у меня вопросы относительно Древа Жизни (Мирового Древа). На диадеме укреплено 7 деревьев и 6 фигурок животных. Все деревья одинаковой высоты и густоты, центральное не выделяется, а крайние даже выше центрального. Возможно, центральное было выделено тем, что к нему обращены фигурки оленей с двух сторон, но это реконструкция. Фигурки не стояли на диадеме при обнаружении, их ориентация и места крепления не доказаны, так же, как не определено, куда и к какому месту точно крепился Эрот. А поскольку бюст Афродиты и фигурка Эрота сугубо античные, то их вмонтирование в сцену с восточным Древом Жизни под вопросом (кстати, и Афродиту и Эрота есть смысл так именовать, только если предполагать их происхождение из среды греческого населения Пантикапея или смежных городов; если вести их изда-лека, то это Венера и Купидон — время-то римское).

Чего бы еще хотелось, это включения Хохлача в систему типологии курганов сарматской знати на Нижнем Дону. Засецкая называет эти комплексы: Алитув 62 и 71, Садовый, Багаевские 13 и 14 (Красный), Кирсановский, Соколову могилу, Хохлач, Крепинский 11, Центр 20, Саганский 20, Мелиховский. Я бы добавил еще Соколовский 3 (у Соколовской балки под Новочеркасском), а также Кобяковское женское погребение, Дачи над Доном, Кичкас в Запорожье, Пороги на Днепре и Жутово между Волгой и Доном. С этими курганами надо бы провести типологическую группировку. Они существовали примерно в одно время в одном регионе. Вся их совокупность сравнительно легко делится на женские и мужские комплексы, Засецкая разделила их на те, что имеют вещи в зверином стиле, и те, где их нет (по ее мнению, это этническое различие). Но по типологии вещей их можно сгруппировать еще и на основе графа связей, выявив линии типологического развития, словом, вписать Хохлач в систему памятников типологически, что позволило бы вывести более узкие датировки. Это выходит за границы традиционного издания классического памятника и вообще традиционного вещеведческого исследования и остается перспективой на будущее.

Все эти дискуссионные вопросы не умаляют достоинства рецензируемой монографии. Сделан очень важный шаг в познании древностей скифо-сарматского искусства, эрмитажных сокровищ и археологии нашей страны.